

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38).03

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.64-75

ПОСМЕРТНОЕ ПОЧИТАНИЕ ЦАРЯ ЛЕОНИДА В СПАРТЕ

Л.Г. Печатнова

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
199034, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено несколько сюжетов, связанных с посмертным почитанием царя Леонида в Спарте. Показаны особенности погребальной церемонии именно при погребении Леонида. Исключительные почести, оказанные Леониду, и учреждение ежегодного праздника в его честь стали важной интегральной частью процесса по формированию особого менталитета спартанских граждан. Отмечается, что подвиг Леонида сделал пропаганду «прекрасной смерти» за родину частью идеологии стойкости спартиатов. Большое внимание в статье уделено теме переноса останков Леонида из Фермопил в Спарту. Из-за лакуны в тексте Павсания дискуссионным является вопрос о том, кто и когда осуществил эту акцию, так как в рукописи имя и дата не согласуются между собой. В статье приведено несколько вариантов возможного заполнения лакуны, но особый акцент сделан на той гипотезе, которая требует наименьшего вмешательства в текст.

Ключевые слова: Спарта, Фермопилы, спартанские цари, Леонид, Павсаний, Геродот, Плутарх, писатель Павсаний

Погребение Леонида

В настоящей статье мы обратимся к частной проблеме, имеющей отношение к посмертной судьбе героя Фермопил царя Леонида¹, история которого не закончилась с его героической гибелью на поле сражения. Манипуляции, связанные с изготовлением и захоронением его кенотафа, а позже с погребением его костей, перенесенных из Фермопил, дают нам возможность оценить огромную важность, которую придавали спартанцы правильно организованной царской погребальной церемонии. Спартанские цари *post mortem* воспринимались как сакральные фигуры и в таком своем качестве высоко чтились. Леонид, павший в сражении при Фермопилах вместе со всем своим отрядом, прославил не только себя самого, но и Спарту. В глазах всей Греции он стал образцом истинного спартанца. Апологию Леониду мы встречаем уже у Геродота. Он называет царя «лучшим по доблести» (ἀνὴρ γενόμενος ἄριστος) и отзывается о нем как об «особенно достойном восхищения»² (Her. VII. 204). К этим характеристикам добавляется и

¹ Согласно традиции, Леонид (ок. 540–480 до н. э.) принадлежал к царской семье Агиадов и был сыном царя Анаксандрида (560–520 до н. э.). Тот от первого брака имел трех сыновей – Дориея, Леонида и Клеомброта, а от второго брака – будущего царя Клеомена I (Her. V. 39–41; Paus. III. 3. 9). Леонид был женат на Горго, дочери своего сводного брата Клеомена I, и имел от нее сына Плистарха (Her. V. 41. 48; VII. 205; IX. 10). Поскольку смерть Клеомена датируется различно между 491 и 488 гг. до н. э., дата воцарения Леонида не определена [1, р. 275]. Он стал царем примерно в пятьдесят лет (о его возрасте см. [2, р. 21]). О его примерно десятилетнем правлении до битвы при Фермопилах ничего не известно.

² Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского.

полный перечень всех предков Леонида вплоть до Геракла (Her. VII. 204). Столь высокая оценка полководца, фактически погубившего и себя, и весь свой отряд и в конечном счете пропустившего персов, может означать только одно: в эпоху Геродота героическая гибель Леонида и трехсот спартанцев уже воспринималась всей Грецией как высшее проявление воинской доблести, когда-либо засвидетельствованное со времен Гомера. Идея того, что спартанцы скорее умрут, чем отступят, уже прочно вошла в массовое сознание греков.

Леонид и его триста спартанцев показали всей Элладе, что такое величие спартанского духа. Они в полной мере воплотили в жизнь идеал «прекрасной смерти», требующий от спартанцев или одолеть врага, или погибнуть (Her. VII. 104. 5)³. «Таким образом, – как отметила Николь Лоро, – прекрасная смерть в Спарте являлась если и не критерием гражданства, то, по крайней мере, в высшей степени критерием гражданственности»⁴ [З, р. 107]. После Фермопил подобное поведение в бою стало восприниматься не только самими спартанцами, но и всеми греками как категорический императив, из которого нет и не могло быть исключений. Фукидид рассказывает о том шоке, в котором пребывали греки, узнав о капитуляции спартанцев на острове Сфактерия в 425 г.⁵ По словам Фукидида, «это было самое неожиданное событие войны в глазах греков; ибо мнение о лакедемонянах заключалось в том, что ни голод, ни какая-либо крайность не заставят их сдать оружие, но они сохраняют его, сражаясь...» (Thuc. IV. 40. 1)⁶. История с капитуляцией на Сфактерии разрушила стереотип о никогда не сдававшихся спартанцах, твердо усвоенный всей Элладой после гибели Леонида и его отряда.

Исключительная роль Леонида в общем контексте Греко-персидских войн, видимо, была оценена вскоре после Платейской победы. Можно сказать, что без поражения при Фермопилах не было бы и победы при Платеях. Спартанские власти довольно быстро оценили открывшиеся после гибели Леонида возможности для укрепления положения своего полиса как руководителя греческого сопротивления. Сам Леонид удостоился необычайных даже для спартанских царей посмертных почестей. Видимо, необходимость особо выделить фигуру Леонида подтолкнула спартанские власти к новациям, до того никогда не применявшимся в царских погребальных ритуалах.

Обратимся теперь к источникам, среди которых центральное место занимает труд Геродота. Мы встречаем у него описание погребальной церемонии спартанских царей, которая, по всей вероятности, происходила и при погребении Леонида. По словам историка, «если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме

³ Демарат по требованию Ксеркса сообщает ему, что спартанцы представляют собой особую породу людей, для которых нормой является беспрекословное подчинение законам: «Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (Her. VII. 104. 5). Речь идет, конечно, не о писаных законах, а о тех этических нормах, которые ясно были сформулированы в элегиях Тиртея и прочно усвоены спартанцами во время прохождения ими *агогэ*. Поэт превозносил прекрасную смерть воина, павшего в первой шеренге сражающихся:

«Доля прекрасная – пасть в передних рядах ополчения,
Родину-мать от врагов обороняя в бою...» (пер. О. Румера)

(τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐν προμάχοις πεσόντα ἄνδρ' ἀγαθόν, περὶ ἧ πατρίδι μαρνόμενον (Tyr. fr. 10. 1–2 West), нумерация фрагментов Тиртея дается по изданию: *West M.L. Iambi et Elegi Graeci*: 2 v. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. V. 2. 277 p.).

⁴ Пер. с французского здесь и далее наш. – Л. П.

⁵ Здесь и далее все даты – до н. э.

⁶ Пер. Г.А. Стратановского.

устанавливают изображение (εἶδωλον)⁷ покойного и на устланном ложе выносят» (Her. VI. 58. 3). Как полагают некоторые исследователи, впервые спартанцы использовали εἶδωλον в качестве замены телу именно при погребении царя Леонида [5, S. 324–325; 6, p. 360; 7, p. 249], поскольку его обезображенный труп попал в руки персов (Her. VII. 238). Трудно предположить, что в подобной ситуации тело Леонида могло каким-либо образом вдруг оказаться у греков. Тем более маловероятно, чтобы до Платейской победы 479 г. греки имели возможность поднять и захоронить останки погибших при Фермопилах. Как отметила А. Петропулу, «нет никаких доказательств того, что обезглавленное тело Леонида было погребено вместе с другими спартанцами или отдельно от них, то есть там, где позже был установлен каменный лев в его честь»⁸ (Her. VII. 225. 2)» [4, p. 597]⁹.

Леонид был единственным спартанским царем, чей труп оказался в руках врага. Вероятно, в Спарте вскоре после Фермопил появился и кенотаф Леонида, помещенный на участке, где были захоронены цари из рода Агиадов¹⁰. В этом кенотафе и оказался его εἶδωλον. Для спартанцев, не имевших возможности захоронить тело царя, сооружение кенотафа было единственным способом достойно почтить память Леонида. А. Петропулу полагает, что подобный кенотаф, содержащий в себе деревянную фигуру царя, был погребальной практикой, характерной исключительно для Лаконии [4, p. 598]. Для спартанцев εἶδωλον их царя символизировал важный статусный переход: от человека к герою. Но все же кенотаф был паллиативным решением.

В какой-то момент спартанцы перенесли в Спарту, как они считали или хотели считать, останки Леонида. Когда именно это произошло, мы не знаем. Определенно известно только одно – накануне Пелопоннесской войны этот перенос уже состоялся. Близ святилища Афины и недалеко от агоры появилась могила Леонида¹¹. Видимо, выбор центра города для установки его погребального памятника был вполне осознанным решением властей. Леонид для Спарты стал знаковой фигурой, а его героическая гибель – вечным примером того, как следует спартанцу вести себя в бою, чтобы не прослыть трусом и не опозорить свою семью. Воспитательное значение подобной «наглядной агитации» с присущей ему пронительностью отметил Плутарх. По его словам, обычай «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» имел своей целью наполнить «город множеством поучительных примеров...» (Plut. Lys. 27. 1–2)¹². Скорее всего, именно Леонид оказался первым царем, ради которого был изменен обычай, требующий хоронить Агиадов в окраинной Питане, где находилась их семейная усыпальница.

Спартанцы не ограничились установлением погребального памятника Леониду. Рядом появилась и «доска с именами всех тех, кто выдержал бой при

⁷ Эйдолон – стилизованная деревянная фигура, выполненная в натуральную величину. Его использовали в качестве замены самого покойного. Подробнее см. [4, p. 596–601].

⁸ Пер. с английского здесь и далее наш. – Л. Г.

⁹ Но некоторые ученые полагают, что в Спарту были доставлены реальные останки Леонида, поскольку, по их мнению, царя первоначально похоронили в отдельной могиле в Фермопилах. См., например, [8, p. 168].

¹⁰ Захоронения Агиадов и Еврипontiдов находились в разных местах, но и то, и другое – на городских окраинах (Paus. III. 12. 8; 14. 2). Н. Рише так объясняет подобное расположение царских гробниц: «Спарта охраняла свои границы с помощью могил двух династий: Еврипontiдов на юге и Агиадов на севере» [9, p. 89].

¹¹ Конечно, весьма сомнительно, что это действительно были останки царя. Его кости, скорее всего, были рассеяны и навсегда потеряны, но маловероятно, чтобы это стало препятствием для того, чтобы снова их «открыть». Пример такого рода «открытия» – обретение Кимоном костей Тесея (Plut. Thes. 35. 5–36. 1–2).

¹² Пер. С.П. Маркиша.

Фермопилах против персов...»¹³ (Paus. III. 14. 1)¹⁴. Их имена, видимо, были широко известны. Во всяком случае, Геродот видел их перечень или на самой памятной стеле, или в списках (Her. VII. 224)¹⁵. Это заявление Геродота указывает на тот факт, что историк уже был свидетелем процесса увековечения их памяти [1, р. 279]. Когда установили саму стелу, неизвестно. В любом случае возведение стелы и церемония переноса останков Леонида были событиями, не связанными друг с другом. Стела была установлена до или после сооружения могильного памятника царю [10, р. 525, п. 18].

Рядом с могилой Леонида были поставлены погребальные памятники еще двум великим полководцам Спарты – победителю при Платеях (479 г.) регенту Павсанию и Брасиду, завоевавшему для Спарты Халкидику (422 г.) (Paus. III. 14. 1)¹⁶. Так что в самом центре Спарты, а не где-то на окраинах, возник целый комплекс надгробных памятников ее величайшим военачальникам. Спартанская молодежь проникалась духом патриотизма благодаря тому, что не только постоянно слышала о подвигах предков, но и лицезреала в центре города памятники тем, кто сделал Спарту великой и непобедимой державой.

Леонид стал культовой фигурой, и ему воздавались почести как герою¹⁷. Подобная героизация, явно предпринятая в патриотических целях, возможно, является до известной степени отличительной чертой спартанской культуры [17, р. 148]. В честь Леонида у его надгробного памятника в Спарте проводились ежегодные празднества – Леонидии (Λεωνιδεῖα) (Paus. III. 14. 1)¹⁸. Время их появления неизвестно, однако их введение может отражать более позднюю историческую реальность [18, р. 192–193].

Леонид и регент Павсаний

Перейдем теперь к вопросу о том, кто и когда перенес останки Леонида в Спарту. Как сообщает периегет Павсаний, кости Леонида были перенесены из Фермопил в Спарту спустя сорок лет после битвы (Paus. III. 14. 1). Однако относительно обстоятельств переноса останков царя существуют большие сомнения. Во всех дошедших до нас рукописях место, повествующее об этом событии, испорчено, поскольку все они восходят к единственному (не очень качественному

¹³ Пер. С.П. Кондратьева.

¹⁴ Все спартанцы, павшие при Фермопилах, получили героический статус и даже в римское время продолжали почитаться как герои (IG V. 1. 660) [11, р. 153–154]. Самые храбрые из них, Марон и Алфей, удостоились отдельного святилища (Paus. III. 12. 9). О феномене героизации в Греции см. особенно: [12; 13, р. 89–120 (по мнению автора, все павшие в битвах в эпоху архаики и классики получали героический статус); 14].

¹⁵ Огромное значение увековечиванию памяти павших в боях предавали и за пределами Спарты. Видимо, в Феспиях, беотийском городе, чей отряд гоплитов погиб вместе с Леонидом и спартанцами при Фермопилах, не только возводили многочисленные памятники погибшим, но и устанавливали при них стелы с именами всех павших. Так, например, здесь был возведен грандиозный памятник в виде мраморного льва, возвышающегося над девятью стелами с перечнем ста одного имени феспийцев, павших в сражении при Делии в 424 г. (IG VII. 1888).

¹⁶ Гробница Брасида была кенотафом, ведь сам он был похоронен в Амфиполе, то есть там, где погиб (Thuc. V. 11. 1). В настоящее время точное расположение трех вышеупомянутых памятников не определено [11, р. 152–153].

¹⁷ По словам Ксенофонта, «лакедемонских царей чтили не как обыкновенных людей, но как героев» (Xen. Lac. pol. 15. 9). Если царь при жизни не совершил никакого преступления, то после смерти он почитался как герой. Так, когда в 400 г. хоронили царя Агиса, то «при погребении ему были оказаны большие почести, чем воздаются мертвым» (Xen. Hell. III. 3. 1). М.А. Флауэр отмечает, что «нигде более в греческом мире не найти нормативного эквивалента той полубожественности, которая выделяла спартанских царей» [15, р. 213, п. 94]. О посмертной героизации царей см. особенно: [16, р. 247–251].

¹⁸ Засвидетельствованы в нескольких надписях римского времени: (IG V (1) 18–20; 559, 660).

и, к тому же, утраченному позднее) архетипу – экземпляру XI в.¹⁹ Начнем с того, что Павсаний, победитель в битве при Платеях, не мог иметь какого-либо отношения к поискам останков Леонида спустя сорок лет после Фермопил, так как его уже не было в живых.

Конечно, спартанцы должны были страстно желать вернуть тело Леонида. Ведь для посмертного почитания его как героя необходимо было осуществить сложную религиозную церемонию, обязательно проводимую в самой Спарте²⁰. Стоит упомянуть, что тело царя Агесилая было доставлено домой даже из Ливии (Plut. Ages. 40. 3). Что касается участия спартанца Павсания в переносе тела Леонида, то считать данный факт истинным можно только в одном случае: если, учитывая испорченность рукописного текста, предположить, что на самом деле речь шла не о сорока годах, а о четырех. Так, в частности, считал уже К.О. Мюллер [20, S. 488, Anm. 40] и его последователи²¹. Это предположение требует минимального текстуального вмешательства.

Обратимся теперь к самому тексту: τοῦ θεάτρον δὲ ἀπαντικρὺ Πανσανίου τοῦ Πλαταῖσιν ἡγησαμένου μνημῆα ἐστὶ, τὸ δὲ ἕτερον Λεωνίδου – καὶ λόγους κατὰ ἔτος ἕκαστον ἐπ' αὐτοῖς λέγουσι καὶ τιθέασιν ἀγῶνα ἐν ᾧ πλὴν Σπαρτιατῶν ἄλλῳ γε οὐκ ἔστιν ἀγωνίζεσθαι, τὰ δὲ ὅστ' αὐτοῦ Λεωνίδου †<*> ἔτεσιν ὕστερον ἀνελομένου ἐκ Θερμοπυλῶν τοῦ Πανσανίου κεῖται. Вот его перевод: «Напротив театра по другую сторону – надгробные памятники: один Павсанию, начальствовавшему в битве при Платеях, второй – Леониду; каждый год около них произносятся речи и устраиваются состязания, участвовать в которых не разрешается никому, кроме спартанцев. Кости Леонида лежат здесь потому, что сорок лет... спустя Павсаний их нашел и перенес из-под Фермопил» (Paus. III. 14. 1). В тексте указаны дата и имя – Павсаний, причем без отчества. Но ни регент Павсаний, ни царь Павсаний II не могли участвовать в этом мероприятии через сорок лет после битвы, так как первый в 440 г. был уже мертв (он умер, скорее всего, между 471/0 и 465/4 гг.), тогда как последний был еще ребенком, так что неверно указаны либо дата, либо имя, либо и то, и другое.

Ученые не раз предлагали свои варианты решения этой проблемы²². Так, например, Роберт Коннор считал, что в первоначальном тексте τοῦ Πανσανίου было, скорее, отчеством при пропавшем из-за испорченности текста имени [21]. В этом обороте (Gen. Abs.) исследователь предложил сделать подлежащим имя *Клеомен* при сказуемом ἀνελομένου. Он имел в виду одного из младших сыновей регента Павсания по имени Клеомен (Thuc. III. 26). При таком чтении число *сорок* сохраняется. В качестве аргумента Р. Коннор ссылается на то, что переищет Павсаний хорошо знал историю Спарты и, вероятно, имел доступ к источникам, ныне утраченным [21, р. 24]. Ученый также допускает ошибку переписчика, объясняя ее тем, что в манускриптах Павсания первое имя собственное нередко опускается, ибо взгляд переписчика, по его словам, часто перескакивает вперед к следующему имени [21, р. 24, п. 13]²³. Никаких более серьезных аргументов в пользу своей версии Р. Коннор не приводит, а ссылка на то, что 440 г. был наиболее подходящим моментом для переноса останков Леонида, нам не кажется убедительной.

¹⁹ О рукописной традиции см. [19].

²⁰ Как утверждает Р. Паркер, «царские погребения были, конечно, среди самых зрелищных спектаклей, которые Пелопоннес когда-либо видел» [17, р. 153].

²¹ О них см. [10, р. 525, п. 18].

²² О нескольких попытках исправить или имя, или датировку см. [10, р. 523–525].

²³ Там же см. перечень примеров такого рода пропусков.

Обратимся к недавним работам, где также обсуждается обозначенная проблема. Так, Аннализа Парадизо, известный антиковед из университета Базиликаты, проанализировав текст, приводит неоспоримый, как нам кажется, аргумент в пользу того, что именно регент Павсаний осуществил перенос костей Леонида. Периегет называет его имя без отчества, но с артиклем. Итальянская исследовательница обращает внимание на то, что это уже третье упоминание данного героя повествования в одном и том же параграфе (Paus. III. 14. 1). В первый раз он ясно представлен как Παυσανίου τοῦ Πλαταιᾶσιν ἡγεσάμενου, то есть это, определенно, регент Павсаний. При втором упоминании есть косвенная ссылка на то, что речь идет о регенте, — ἐλ' αὐτοῖς «рядом с ними» — в том месте, где говорится об ораторских и спортивных состязаниях, устраивавшихся каждый год в честь Павсания и Леонида, похороненных рядом. Имя Павсания, появившееся в третий раз в одном и том же предложении, может принадлежать только уже вышеупомянутому главнокомандующему, то есть регенту, а не кому-либо иному [10, p. 525]. По мнению А. Парадизо, замена числа М на Δ (40 на 4) является наиболее легким и, безусловно, самым простым и экономичным текстовым решением, не требующим никаких изменений в имени персонажа [10, p. 525].

Марчелло Лупи, профессор Неаполитанского университета, хотя и полагает, что полностью удовлетворительного решения этой хронологической проблемы не существует, однако из двух вариантов выбирает тот, где вместо рукописного числа *сорок* следует взять *четыре* (Δ, а не М). В пользу этой версии он добавляет и то соображение, что «возвращение» костей Леонида в Спарту именно в 477/76 г. наверняка оказало бы очень сильное пропагандистское воздействие как на Спарту, так и на всю Грецию [22, p. 364].

Мы полагаем, что в 477 г. член царского дома Агиадов и герой Платей Павсаний вполне мог перенести останки Леонида в Спарту²⁴. Человек крайне честолобивый и решительный, он был заинтересован в том, чтобы подчеркнуть роль Леонида и свою в деле спасения Спарты и всей Греции. Напомним, что регент весной 477 г. [24, S. 324; 25, p. 491, n. 21] был отозван эфорами из Византия домой и должен был предстать перед судом по обвинению в мидизме (Thuc. I. 94–95; 128; 130; Her. V. 32; Diod. XI. 44). Несмотря на такое серьезное обвинение, Павсаний был оправдан. Возвращение останков Леонида в Спарту, будь оно осуществлено именно регентом, вполне могло быть одним из весомых аргументов при вынесении оправдательного приговора²⁵. Мы согласны с М. Лупи в том, что «если в спартанской риторике Платеи трактовались как месть за Фермопилы, то Павсания должны были реабилитировать как мстителя за его дядю Леонида» [22, p. 365]²⁶.

В источниках отсутствуют сведения об участии Дельф в столь важном сакральном предприятии, как перенос царских останков²⁷. Но в истории такого

²⁴ Нестыковка заключается в том, что в 477–476 гг. Павсаний, скорее всего, был в Колонах в Троаде (Thuc. I. 131. 1; 132. 2). Фукидид не сообщает о том, как долго он мог там находиться. По мнению Д. Льюиса — скорее всего, несколько лет, но сказать что-либо более точно, с его точки зрения, невозможно [23, p. 100]. Хронология последних лет жизни Павсания детально не установлена. Даже время его смерти определяют в довольно широком диапазоне — от 476 до 465 г., что объясняется главным образом тем, что в экскурсах Фукидида о Павсании отсутствуют какие-либо временные указания.

²⁵ О контактах Павсания с персами см. [26].

²⁶ Пер. с итальянского наш. — Л. П. Возможно, связь между двумя битвами уже присутствовала в Платейской элгии Симонида, где ссылка на смерть Ахилла, который славно погиб перед решительной победой, должна была напоминать смерть Леонида [1, p. 284–285].

²⁷ Напомним, что в двух известных случаях, касающихся останков Ореста (Her. I. 67–68) и Тисамена (Paus. VII. 1. 8), их перенос в Спарту произошел по указанию Дельфийского оракула.

закрытого государства, каким была Спарта, слишком много подобных лакун. Если наше предположение верно и Павсаний действительно был инициатором переноса останков Леонида, то он не мог не обратиться в Дельфы: без санкции Дельфийского оракула вряд ли можно было осуществить предприятие, важной частью которого являлось установление героического культа. Судя по активному вмешательству Дельф в его уже посмертную судьбу, Павсаний при жизни, бесспорно, пользовался в Дельфах большим авторитетом²⁸.

В заключение добавим, что не существует однозначного ответа на вопрос о том, кто и когда перенес останки Леонида в Спарту. Мы рассмотрели, как нам представляется, наиболее вероятный вариант решения обозначенной проблемы. Однако, каким бы образом ни реконструировали текст, очевидно, что в какой-то момент в V в. до н. э. один из членов семьи Агиадов нашел кости Леонида и вернул их в Спарту. Видимо, это была исключительно инициатива Агиадов, заинтересованных в реабилитации авторитета своей семьи, который был подорван из-за ряда громких скандалов²⁹. Установление надгробного памятника Леониду в центре Спарты было очень сильным ходом этого царственного рода.

Уже в древности подвиг царя Леонида воспринимался как непревзойденный образец воинской доблести и патриотизма. Личность этого спартанского царя вызвала к себе такой интерес, что Плутарх собирался написать (или даже написал, но она не дошла до нас) биографию Леонида. Об этом он упоминает в трактате «О злокозненности Геродота» (Plut. Mor. 866 b = De Her. mal. 32). Тот факт, что Плутарх действительно работал над этой темой, очевиден на основании собрания изречений, приписываемых Леониду и собранных древнегреческим историком в его трактате «Изречения спартанцев» (Plut. Mor. 254 f – 225 e = Apophth. Lac. 51).

Конечно, в поздней греческой историографии рассказ о сражении при Фермопилах был сильно изменен и расцвечен деталями, которых не было у Геродота³⁰. «Но, – как отмечал Э.Н. Тигерштедт, – даже того, что Геродот рассказал о Фермопилах, было достаточно, чтобы вознести Спарту на вершину славы. Этот случай стал кульминацией спартанской легенды и оправдал все, что было сделано Ликиургом в древности...» [28, p. 82].

Возвращаясь к Леониду, отметим, что этот царь, единственный из спартанских басилевсов, был удостоен трех надгробных памятников и трех последовательно произошедших в разное время погребальных церемоний. Сначала – в Фермопилах, на том месте, где позже появится каменный лев в его честь

²⁸ Об отношении дельфийских жрецов к Павсанию можно судить по тому, с каким возмущением они восприняли внесудебную расправу над регентом и нарушение права убежища. Его последующая реабилитация была полностью инспирирована Дельфами: от спартанцев настоятельно потребовали достойно похоронить Павсания и воздвигнуть в его честь два памятника. Эти бронзовые статуи были поставлены у жертвенника в храме Афины Халкиейкос (Thuc. I. 134. 4; Paus. III. 17. 7). Об особой связи между семьей Агиадов и Дельфами в V в. см. особенно [27, p. 57–59].

²⁹ В 490 г. то ли покончил с собой, то ли был убит царь Клеомен (Her. VI. 75; Plut. Mor. 224 a = Apophth. Lac. 45. 4), около 470 г. регента Павсания оставили умирать в храме, замуровав выход из него (Thuc. I. 134; Paus. III. 17. 7–9; Diod. XI. 45. 6–7), в 446 г. был изгнан царь Плистоанакт, обвиненный в коррупции (Thuc. V. 16. 3).

³⁰ Так, например, Диодор (Diod. XI. 4. 2–4) и Плутарх (Plut. Mor. 866 b–d; 225 a–e) сообщают исторический анекдот о том, будто бы Леонид, отправляясь из Спарты, уже знал, что погибнет, и потому не хотел обрекать на смерть слишком много спартанских граждан.

(Her. VII. 225. 2), затем – в Питане среди гробниц Агиадов (кенотаф) и, наконец, в центре Спарты близ святилища Афины Халкиойкос (Paus. III. 14. 1). Описанные экстраординарные почести свидетельствуют об исключительной важности того прецедента, который создал Леонид. Спартанские идеологи, видимо, очень быстро оценили воспитательный и пропагандистский потенциал подвига Леонида и его отряда. Установление памятных знаков и организация ежегодных празднеств в честь Леонида стали важной частью воспитательной доктрины Спарты. Спартанских юношей приучали быть равными не только в жизни, но и в смерти.

В заключение отметим, что героическая смерть для спартанцев была частью устойчивой идеологии, которая управляла поведением любого спартиата и внушала ему чувство групповой идентичности [29, р. 82]. Может быть, самым необычным достижением Спарты после Фермопил стало окончательное формирование мифа о спартанцах как об особой породе людей, готовых сражаться до последнего солдата и скорее погибнуть, чем отступить. Этот идеологический сценарий будет отлично работать на протяжении по крайней мере двух поколений, побуждая спартанцев проявлять храбрость, иногда для них фатальную.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека: в 3 т. / Пер. с древнегреч. Э.Д. Фролова. М.: Рубежи XXI, 2021.
- Her. – *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Paus. – *Павсаний*. Описание Эллады: в 2 ч. / Пер. с древнегреч. С.П. Кондратьева; под ред. Е.В. Никитюк; отв. ред. проф. Э.Д. Фролов. СПб.: Алетейя, 1996. Ч. 1: Кн. 1–4. Ч. 1. 336 с., Ч. 2. Кн. 5–10. 538 с.
- IG – *Inscriptiones Graecae, consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editae* / Ed. Adolphus Kirchhoff. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1873–1891.
- Plut. Ages. – *Плутарх*. Агесилай / Пер. К.П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. С. 304–333.
- Plut. Lys. – *Плутарх*. Ликург / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. С. 53–78.
- Plut. Thes. – *Плутарх*. Тесей / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. С. 5–25.
- Plut. Mor. 208 b–236 e = Arophth. Lys. – *Плутарх*. Изречения спартанцев / Пер. М.Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы / Изд. подгот. Я.М. Боровский и др.; [Примеч. составили И.М. Ковалева и др.]. Л.: Наука, 1990. С. 208–330.
- Plut. Mor. 854 e – 874 c = De Her. mal. 1–43 – *Плутарх*. О злокозненности Геродота / Пер. С.Я. Лурье // Лурье С.Я. Геродот. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 161–202.
- Thuc. – *Фукидид*. История / Изд. подгот. Г.А. Стратановский и др. Л.: Наука, 1981. 543 с.
- Xen. Hell. – *Ксенофонт*. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 1993. 450 с.
- Xen. Lac. pol. – *Ксенофонт*. Лакедемонская полития / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Г. Печатновой. СПб.: Гуманит. акад., 2014. 223 с.

Литература

1. *Lupi M.* Sparta and the Persian wars, 499–478 // *A Companion to Sparta: 2 v.* / Ed. by A. Powell. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2018. V. I. P. 271–290. <https://doi.org/10.1002/9781119072379.ch10>.
2. *Grant J.R.* Leonidas' last stand // *Phoenix*. 1961. V. 15, No 1. P. 14–27. <https://doi.org/10.2307/1085931>.
3. *Loraux N.* La «belle mort» spartiate // *Ktèma*. 1977. No 2. P. 105–120.
4. *Petropoulou A.* The Spartan royal funeral in comparative perspective // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 583–612.
5. *Schaefer H.* Das Eidolon des Leonidas // *Idem. Probleme der Alten Geschichte. Gesammelte Abhandlungen und Vorträge*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 324–328.
6. *Scott L.* Historical Commentary on Herodotus. Book 6. Ser.: Mnemosyne, Supplements. V. 268. Leiden: Brill, 2005. 716 p.
7. *Richer N.* The religious system at Sparta // *A Companion to Greek Religion* / Ed by D. Ogden. Oxford: Wiley Blackwell, 2007. P. 236–252. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch16>.
8. *Pritchett W.K.* The Greek State at War. Part IV. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London: Univ. of California Press 1985. 278 p.
9. *Richer N.* Aspects des funérailles à Sparte // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. V. 5. 1994. P. 51–96. <https://doi.org/10.3406/ccgg.1994.1386>.
10. *Paradiso A.* Herodotus' list of the Three Hundred // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 521–535.
11. *Gengler O.* Leonidas and the heroes of Thermopylae: Memory of the dead and identity in Roman Sparta // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 151–161.
12. *Boehringer D.* Zur Heroisierung historischer Persönlichkeiten bei den Griechen // *Retrospektive: Konzepte von Vergangenheit in der griechisch-römischen Antike* / Ed. von M. Flashar, H.-J. Gehrke, E. Heinrich. München: Bering & Brinkmann, 1996. S. 37–61.
13. *Currie B.* Pindar and the Cult of Heroes. Ser.: Oxford Classical Monographs. Oxford Univ. Press, 2005. 487 p.
14. *Ekroth G.* Heroes and hero-cults // *A Companion to Greek Religion* / Ed by D. Ogden. Oxford: Wiley Blackwell, 2007. P. 100–114. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch7>.
15. *Flower M.A.* Spartan 'religion' and Greek 'religion' // *Sparta: Comparative Approaches* / Ed. by S. Hodkinson. Swansea: Classical Press of Wales, 2009. P. 193–229.
16. *Lipka M.* Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary. Berlin, New York, NY: Walter de Gruyter, 2002. 302 p.
17. *Parker R.* Spartan religion // *Classical Sparta: Techniques behind Her Success* / Ed. by A. Powell. London: Routledge, 1989. P. 142–172.
18. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London, New York, NY: Routledge, 1989. 304 p.
19. *Diller A.* The manuscripts of Pausanias // *Trans. Proc. Am. Philol. Assoc.* 1957. V. 88. P. 169–188. <https://doi.org/10.2307/283902>.
20. *Müller K.O.* Die Dorier. Bd. 2. Breslau: Max und Komp., 1844. 500 S.
21. *Connor W.R.* Pausanias 3.14.1: A sidelight on Spartan history, C. 440 B.C.? // *Trans. Proc. Am. Philol. Assoc.* 1979. V. 109. P. 21–27. <https://doi.org/10.2307/284046>.
22. *Lupi M.* Oracoli ed eroicizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida // *Verbum Dei. Oracoli e tradizioni cittadine nella Grecia antica. Atti del*

- convegno Roma, Università degli studi “La Sapienza” 11–12 febbraio 2011 / Ed. by P. Vannicelli. Roma, 2014. P. 353–370.
23. Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. // *Cambridge Ancient History*. V. V: The fifth century B.C. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 96–120.
24. Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser // *Rheinisches Mus. Philol.* 1965. Bd. 108, H. 4. S. 320–341.
25. Loomis W. T. Pausanias, Byzantion and the formation of the Delian League: A chronological note // *Historia*. 1990. Bd. 39. H. 4. P. 487–492.
26. Печатнова Л.Г. Павсаний и персы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. С. 161–185.
27. Dimauro E. Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II. Alessandria: Edizioni dell’ Orso, 2008. 217 p.
28. Tigerstedt E.N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. V. I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965. 591 p.
29. Scott A.G. The Spartan heroic death in Plutarch’s *Laconian Apophthegms* // *Hermes*. 2015. Bd. 143, H. 1. P. 72–82. <https://doi.org/10.25162/hermes-2015-0004>.

Поступила в редакцию 12.01.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Печатнова Лариса Гавриловна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древней Греции и Рима

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: pechatnova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 64–75

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.64-75

Posthumous Veneration of King Leonidas in Sparta

L.G. Pechatnova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia

E-mail: pechatnova@mail.ru

Received January 12, 2024; Accepted March 12, 2024

Abstract

This article examines several narratives about the posthumous veneration of King Leonidas in Sparta. The details of the funeral ceremony held for him are analyzed. Leonidas was the only ruler to be commemorated with three tombstones and three funerals, all in different locations. These unprecedented honors emphasized the exceptional importance attributed to Leonidas by the Spartan authorities. They affirmed his commanding role in strengthening Sparta’s reputation as the leader of the Greek resistance. Leonidas’ recognition and the annual holiday in his honor were fundamental in shaping the mentality of the Spartan citizens. He and the three hundred Spartans who perished with him at Thermopylae embodied the ideal of a noble death in defense of the homeland and showed the

Spartans that they were expected to either triumph over the enemy or meet their fate. This concept became ingrained in the ideology of the Spartiates. The intrigue surrounding the transfer of Leonidas' remains from Thermopylae to Sparta is discussed. Due to a gap in Pausanias' text, the identity of those responsible for this action and its timing are still unknown. The speculation is fueled by the discrepancy between the name and date provided in the manuscript. Here, several different options to fill the gap are considered. Out of all the options, the one that involves the least amount of intervention, i.e., simply replacing one digit in the manuscript, stands out.

Keywords: Sparta, Thermopylae, Spartan kings, Leonidas, Pausanias, Herodotus, Plutarch, writer Pausanias

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Lupi M. Sparta and the Persian wars, 499–478. In: Powell A. (Ed.) *A Companion to Sparta*. Vol. I. Hoboken, NJ, Wiley Blackwell, 2018, pp. 271–290. <https://doi.org/10.1002/9781119072379.ch10>.
2. Grant J.R. Leonidas' last stand. *Phoenix*, 1961, vol. 15, no. 1, pp. 14–27. <https://doi.org/10.2307/1085931>.
3. Loraux N. La “belle mort” spartiate. *Ktèma*, 1977, no. 2, pp. 105–120. (In French)
4. Petropoulou A. The Spartan royal funeral in comparative perspective. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 583–612.
5. Schaefer H. Das Eidolon des Leonidas. In: *Probleme der Alten Geschichte. Gesammelte Abhandlungen und Vorträge*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 324–328. (In German)
6. Scott L. *Historical Commentary on Herodotus. Book 6*. Ser.: Mnemosyne, Supplements. Vol. 268. Leiden, Brill, 2005. 716 p.
7. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D. (Ed.) *A Companion to Greek Religion*. Oxford, Wiley Blackwell, 2007, pp. 236–252. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch16>.
8. Pritchett W.K. *The Greek State at War. Part IV*. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London, Univ. of California Press, 1985. 278 p.
9. Richer N. Aspects des funérailles à Sparte. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*, 1994, vol. 5, pp. 51–96. <https://doi.org/10.3406/ccgg.1994.1386>.
10. Paradiso A. Herodotus' list of the Three Hundred. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 521–535.
11. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: Memory of the dead and identity in Roman Sparta. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 151–161.
12. Boehringer D. Zur Heroisierung historischer Persönlichkeiten bei den Griechen. In: Flashar M., Gehrke H.-J., Heinrich E. (Hrsg.) *Retrospektive: Konzepte von Vergangenheit in der griechisch-römischen Antike*. München, Biering & Brinkmann, 1996. S. 37–61. (In German)
13. Currie B. *Pindar and the Cult of Heroes*. Ser.: Oxford Classical Monographs. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. 487 p.
14. Ekroth G. Heroes and hero-cults. In: Ogden D. (Ed.) *A Companion to Greek Religion*. Oxford, Wiley Blackwell, 2007, pp. 100–114. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch7>.
15. Flower M.A. Spartan ‘religion’ and Greek ‘religion’. In: Hodkinson S. (Ed.) *Sparta: Comparative Approaches*. Swansea, Classical Press of Wales, 2009, pp. 193–229.
16. Lipka M. *Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary*. Berlin, New York, NY, Walter de Gruyter, 2002. 302 p.
17. Parker R. Spartan religion. In: Powell A. (Ed.) *Classical Sparta: Techniques behind Her Success*. London, Routledge, 1989, pp. 142–172.
18. Cartledge P., Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities*. London, New York, NY, Routledge, 1989. 304 p.

19. Diller A. The manuscripts of Pausanias. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1957, vol. 88, pp. 169–188. <https://doi.org/10.2307/283902>.
20. Müller K.O. *Die Dorier*. Bd. 2. Breslau, Max und Komp., 1844. 500 S. (In German)
21. Connor W.R. Pausanias 3.14.1: A sidelight on Spartan history, C. 440 B.C.? *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1979, vol. 109, pp. 21–27. <https://doi.org/10.2307/284046>.
22. Lupi M. Oracoli ed eroizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. *Verbum Dei. Oracoli e tradizioni cittadine nella Grecia antica. Atti del convegno Roma, Università degli studi "La Sapienza" 11–12 febbraio 2011*. Vannicelli P. (Ed.). Roma, 2014, pp. 353–370. (In Italian)
23. Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. In: Lewis D.M., Boardman J., Davies J.K., Ostwald M. (Eds.) *The Cambridge Ancient History*. Vol. V: The fifth century B.C. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008. P. 96–120.
24. Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1965, Bd. 108, H. 4, S. 320–341. (In German)
25. Loomis W.T. Pausanias, Byzantion and the formation of the Delian League: A chronological note. *Historia*, 1990, Bd. 39, H. 4, S. 487–492. (In German)
26. Pechatnova L.G. Pausanias and the Persians. *Mnemon. Issledovaniya i Publikatsii po Istorii Antichnogo Mira*, 2015, vol. 15, pp. 161–185. (In Russian)
27. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria, Edizioni dell' Orso, 2008. 217 p. (In Italian)
28. Tigerstedt E.N. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Vol. I. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1965. 591 p.
29. Scott A.G. The Spartan heroic death in Plutarch's Laconian Apophthegms. *Hermes*, 2015, Bd. 143, H. 1, S. 72–82. <https://doi.org/10.25162/hermes-2015-0004>.

⟨ **Для цитирования:** Печатнова Л.Г. Посмертное почитание царя Леонида в Спарте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 64–75. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.64-75>. ⟩

⟨ **For citation:** Pechatnova L.G. Posthumous veneration of King Leonidas in Sparta. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 64–75. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.64-75>. (In Russian) ⟩